

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРОПЫ

Я.Г. Рвер

(г. Могилев, МГУ им. А. Кулешова)

Как известно, в генезисе европейского феодализма большое влияние оказала степень воздействия античных порядков, разделившая континент на 3 региона (с уравновешенным синтезом, синтезом с преобладанием римских порядков и бессинтезным). Но не менее значительную роль в развитии Европы, причем не только в эпоху средневековья, но и позднее, сыграли особенности общинных порядков в разных регионах.

В раннесредневековой Европе сложилось два вида соседских общин: аморфная община-марка как территориально-административная организация крестьян-собственников – на Западе и славянская (условно) община с коллективным контролем за крестьянским землепользованием и сохранением патриархальных уравнительных традиций.

Причины указанных различий, представляется, связаны, прежде всего, с комплексом природных, демографических и хозяйственных условий. Естественно-географическая среда германского ареала по-

звляла обеспечивать жизненные потребности усилиями менее многочисленных коллективов, чем восточнее, в области славянского расселения, где и климат был более суровым, и леса занимали большие площади. Поэтому у германцев раньше возникает возможность для ведения хозяйства малыми коллективами – семьями, что способствовало их обособлению с фиксированными земельными наделами-аллодами. Хозяйственное развитие стимулировало быстрый рост населения (вспомним интенсивное расселение германцев в III-V вв.), что тоже ускорило оформление индивидуальных прав на землю.

В итоге возникла община-марка с аллодистами. Быстрее она сложилась там, где было существенным римское влияние – в бывшей Галлии. Но и на остальных германских землях общинные порядки были вполне приспособлены к восприятию франкской модели феодализма, что и происходило в условиях франкской экспансии на восток от Рейна (саксонские войны), нормандского завоевания Англии, диффузии сеньориальных порядков в Скандинавские страны. Ибо общины в Скандинавии и Англии были близки германским. В них не были фиксированы права собственности, но гарантировались права наследования и неотчуждение наделов. Поэтому, несмотря на позднюю и медленную феодализацию в раннем средневековье, население этих земель затем включилось в западноевропейскую цивилизацию. Южная Франция и Италия, благодаря сохранению большой роли частного земледелия с античных времен, тоже постепенно вливались в эту цивилизацию.

Восточнее, в славянских землях, природные условия требовали больших усилий для жизнеобеспечения. Численность населения росла медленнее, чем на западе, что не создавало потребности в четкой фиксации границ каждого надела. Расчистки лесов требовали коллективного труда. В итоге, индивидуальное земледелие, а тем более с правом выхода из общины не развивалось – сохранялось коллективное землепользование с верховными правами этой самой общины. Поэтому знать, выделявшаяся с IX-X вв., не могла, в отличие от западных соседей, осесть на землю. Лишь в X-XI вв. у западных славян начинают фиксироваться индивидуальные крестьянские хозяйства с закрепленными наделами, близкими аллодам. Тогда же, не без западного влияния, начинается отчуждение земель знатно. Однако роль общин в рамках так называемого наследного права сохраняется до XIII в., когда началось массовое оседание на землю низшего слоя служилого сословия – шляхты. С этого времени, с внедрением, по инициативе феодалов, немецкого права коллективистские традиции ослабели, что, кстати, позволило, затем и закрепить крестьян.

Специфическую роль сыграла община у восточных славян. Обособление крестьянских хозяйств внутри общины у них началось примерно в те же сроки, что и у западных славян. Но здесь выделение крестьянских усадеб не закреплялось правами на землю (типа аллода). Общинное земледелие сохранялось вплоть до столыпинской аграрной реформы начала XX в. И это предопределило отставание аграрного строя России от остальной Европы. Ибо коренной порок подобной общины – уравнивательность. Старательность, творческий труд, проявление индивидуальности не поощрялись. Принудительный севооборот, совместное пользование угодьями делами зыбкими права крестьянина. Даже дополнительно, силами отдельных семей расчищенные участки-заимки сохранялись за семьей лишь до восполнения затрат на расчистку, а затем включались в общий севооборот. Отсюда – застой сельского хозяйства и общества в целом, что и было характерно для восточноевропейской средневековой цивилизационной модели.

Иными словами, коллективная (общинная) земельная собственность, в противоположность частной, не стимулировала общественное развитие, ибо не формировала чувства хозяйской самостоятельности. Таким образом, истоки современных различий в уровне развития Западной и Восточной Европы уходят в особенности общинного развития раннесредневековой Европы.

Итак, на Западе традиции индивидуального хозяйствования, характерные для германской общины с рубежа новой эры, заложены на позднеримские юридические нормы. Это и определило особое «лицо» западной модели. Ее специфика: параллельное сосуществование центральной власти с местными автономиями, которые сдерживали авторитарные устремления монархов. И в этом – основа феномена западной цивилизации, генезис которой начался в раннем средневековье.

Славянская община, отличающаяся большей сплоченностью, не была разрушена в ходе выделения правящего слоя и его превращения в господствующее сословие. Наоборот, противостояние княжеской власти сыграло общину и законсервировало ее порядки, что привело к замедлению всего общественного развития региона. В дальнейшем западнославянские земли испытали сильное влияние более динамичной западноевропейской цивилизации. На определенном этапе средневековой истории это влияние распространилось и на приднепровские восточнославянские земли, объединенные в рамках Великого княжества Литовского. Остальная же часть Восточной Европы – Московская Русь (Московия западных источников), сохранила свои раннесредневековые особенности и в дальнейшем сблизилась с восточными средневековыми цивилизациями.

В целом цивилизационное развитие средневековой Европы можно представить в следующем виде. На Западе, во франкском обществе в VI-IX вв. сложилась форма частновладельческого, сеньориального феодализма, характерная, прежде всего, значительной автономией земледельцев, опиравшейся на частное право. Затем, в течении X-XIII вв. аналогичные сеньориальные порядки в результате экспансии (франкской, франко-нормандской) распространились на всю Западную Европу и

легли в основу западной цивилизации. Традиции хозяйственной самостоятельности из сельского мира, где они сохранились даже в условиях установления личной крестьянской зависимости (X/XI-XIV вв.) распространились на возникавшие с X-XI вв. города и способствовали сложению ремесленных цехов, купеческих гильдий и городского самоуправления. Эти городские права и вольности способствовали развитию рыночной экономики и элементов гражданского общества, которые ускорили общее развитие западноевропейских стран в средние века, а в тех регионах, где позиции феодалов оказались менее прочными – Северная Италия, Нидерланды – привели к формированию капиталистических порядков. Появление последних – итог развития средневековой западноевропейской цивилизации.

В центральноевропейских странах, общества которых выросли из прочных общинных порядков, структурирование феодального сословия происходило медленнее, чем на Западе. Но благодаря его географической близости и культурнополитическому влиянию (католичество, династические связи и латинская культура вообще) здесь постепенно, к XIII-XIV вв. восторжествовал западный сеньориальный строй. Но замедленное развитие аграрных порядков растянуло процесс подчинения крестьянства до XV в., что, в свою очередь, замедлило урбанизацию и, следовательно, хозяйственное развитие в целом. Города здесь не приобрели того значения, которого добились на Западе. Так Центральная Европа, культурно близкая Западной, экономически оказалась менее развитой и лишь в наше время активно пытается эти различия преодолеть.

В Византии традиции сильного государства с X-XI вв. входили во все большие противоречия с тенденциями развития частнофеодальных порядков, что привело ее к кризису с XIII в., ослабило перед появившимися на Балканах турками и привело к гибели. В этом – специфика и трагедия византийской цивилизации.

Восточная Европа при указанной специфике общины не испытала античных импульсов. Правящий слой в ней, как и в Центральной Европе, формировался, прежде всего, как военно-административный, а не землевладельческий, что замедляло его структурирование. В итоге здесь не сложилась вассально-ленная система и рыцарство со своими автономными правами. Наоборот, и этому способствовала драматичная борьба с кочевым миром, усилившая великокняжеская власть, подчинившая себе все сословия. Так сложилась основа для гипертрофии центральной власти в Московской Руси.

Противоречивым было развитие населения Приднепровья, с середины XIII в. вошедшего в новое политическое образование – Великое княжество Литовское. Политическая история региона связала его с западной соседкой – Польшей, через которую, особенно с XVI в. стали восприниматься некоторые западноевропейские цивилизационные нормы, прежде всего в аграрной сфере (Устава на волоки), урбанистике (городское самоуправление), политическом устройстве (роль частной власти). Так наши земли в цивилизационном отношении стали сближаться с центральноевропейским регионом. Но это сближение было прервано кризисом, затем и гибелью Речи Посполитой. Очевидно, что указанные влияния не стали для славянского населения ВКЛ органичными: они не сумели (не успели) преобразовать его цивилизационные основы, что и проявилось в дальнейшей истории наших земель.